

В. С. Глаголев¹

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛИЗМА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Глобализационные процессы радикально изменили инфраструктуру социума, системы транспорта и связи. Списки достижений техники, интенсифицирующей и разнообразящей человеческое общение, можно продолжать до бесконечности. Но как воздействуют эти чудеса на этнические и религиозные структуры современного мира, отличающиеся повышенным консерватизмом и нередко занимающие позиции «круговой обороны» по отношению к непривычным новшествам?

Речь идет прежде всего о внутренней структуре и типах организации этнонациональных и этнорелигиозных групп. Часть из них по ряду причин готова взаимодействовать с более крупными общностями, уже принявшими технологическое и социально-организационное обновление коммуникаций, принесенных глобализацией. То есть могут занять позицию «младшего брата». Обычно подобные процессы сопровождаются локализацией в использовании материнского языка меньшей по численному составу и влиятельности группы, размыванием исторически сложившихся этнических традиций и параллельно их активной демонстрацией в проявлениях обрядовости и верований более крупной общности («народные религии» ряда групп, попавших под влияние национальных и мировых религий). Интеграционная политика, направленная на консолидацию сограждан по принципу государственно-территориальной принадлежности, наталкивается на сложности поведения групп, гетерогенных по этническому составу.

Родоплеменные структуры отчаянно сопротивляются унификации своей жизни со стороны государства. Часть из них терпит поражение. Компенсацией данной тенденции, связанной с производственными процессами, урбанизацией и интенсивностью сетевых коммуникационных процессов, становятся модификации и возрождения одного из древнейших семейно-духовных объединений — клана. Посвященность во внутреннюю жизнь клана была иерархизирована, что создает дополнительные преимущества руководящей верхушке.

В наши дни клановые отношения, где «свои» — часто некрвные родственники, но те, кто связан путями

обрядовых обязательств, — сохраняются и воспроизводятся. Руководствуясь непосредственными интересами экономической выгоды и обеспечивающих ее властных преимуществ, кланы время от времени идут на обострение отношений с государством массы подчиненных им людей, периодически развязывая открытые племенные этнонациональные войны. Наиболее часто это происходит в спорных районах, где государственные границы на протяжении длительного времени отличаются большой подвижностью; там, где сталкиваются государственные интересы нескольких стран².

Кланово организованные родоплеменные сообщества с собственной иерархией, жесткой дисциплиной, взаимовыручкой среди своих членов и традициями кровной мести по отношению к обидчикам становятся значимой картой в геополитических играх современности. Афганская ситуация последних десятилетий, участие курдов в политической жизни стран, на территории которых они жили задолго до того времени, как сформировалось современное государственно-территориальное устройство Турции, Сирии, Ирака и Ирана, делает их своеобразной разменной монетой в политике соседей каждой из перечисленных стран, центробежной силой в жизни того государства, на территории которого они проживают.

Нетрудно заметить племенной характер множества потрясений, пережитых в последнее время Йеменом и Ливией, Ираком и Сирией, Ливаном и Суданом. При этом приобщение к научно-техническим достижениям, которые несет с собой глобализация, коснулось племен и народов, переживающих драмы гражданских войн, в которых активно дает о себе знать племенная основа. И, как водится, приобщение к новейшим достижениям цивилизации в условиях подготовки и развертывания гражданских войн имеет специфический характер: оружие, военное обмундирование и снаряжение, транспорт и средства, которые можно использовать как в мирных, так и в военных целях, выступают на первый план. Хотя сепаратистские движения подобного рода в военно-техническом отношении уступают государственным возможностям, партизанские средства ведения гибридных войн и систематическое использование тактики «пятой колонны» (засланных казачков, говоря по-русски) увеличивают их действенность. Верность обязательствам клана, жесткая дисциплина исполнения и суровость наказания родственников от-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Герметичность религии как проблема социологического исследования», «Религия караимов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development» и др. Член Российского философского общества.

² См.: Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М.: Анкил, 2008.

ступника, начиная с его семьи и заканчивая отдаленными сородичами, дают кланам дополнительные преимущества.

В сознании обездоленных западные страны (а к ним люди этой категории относят и индустриальные административные центры России) олицетворяют собой то зло, с которым представители родоплеменных сообществ имеют дело. Это «зло» подстерегает их на каждом шагу во всех случаях, когда им приходится выходить за пределы прямых родоплеменных отношений. Удаленность Запада, его образ, построенный на абстракции тотальной унификации и механической жестокости, объединяют чувством ненависти миллионы членов различных племенных сообществ, то есть людей, реально разделенных как минимум множеством языков и разницей культурных традиций. «Пятиминутки ненависти», описанные Дж. Оруэллом, затягиваются в часы и дни пропагандистских акций, становящихся способом зомбирования, не менее эффективным, чем те, которые практикует мало популярное в этой среде политизированное телевидение. Хотя для племенных партийных активистов такое телевидение, ведущее вещание на местных языках, также играет роль консолидирующего и директивного идеологического фактора¹.

Высокая смертность на территориях, где обитают сообщества родоплеменного типа организации, дополняется высокой рождаемостью и, как правило, безработицей там, где происходит рационализация традиционных трудовых занятий. Сельскохозяйственные и скотоводческие усовершенствования исподволь освобождают от работы молодежь. Армия безработных — типичное явление в городах, но клановая родоплеменная солидарность не дает мужчинам умирать с голоду. Вербовка в банды, племенные армии и экстремистские боевые организации является для молодых людей квазиэффективным способом повышения самооценки, социального статуса. И в то же время — реальным доступом к материальным благам с помощью грабежа и наркотрафика.

Нет оснований идеализировать образ подобных «борцов за свободу». Им изначально нужно ослабленное и потому готовое на сговор с ними государство, имитирующее властные полномочия, но не способное реализовать их сколько-нибудь последовательным образом. Паразитическая составляющая подобного образа жизни как привлекательна, так и заразительна. Главное в этом способе — посадить на нужные места своих людей: в систему оформления государственной документации; в частные компании, которые своевременно предоставят достоверную информацию о людях и капиталах; в полицию, способную отвернуться, когда прикажет главарь, или имитировать повышенную разыскную активность на пустом месте по ничтожным поводам; в бухгалтерию государственной или корпоративной структуры, чтобы вывести средства для криминальных организаций; наконец, в СМК, чтобы блокировать разоблачительные материалы и популяризировать привлекательный образ местных деятелей. А самое главное — расставить своих людей в те точки городов и поселков, откуда в назначенное время можно мобилизовать десятки, а то и сотни тысяч людей на ту или иную акцию.

Время от времени подобное можно было наблюдать в Ливии, Турции, Египте и других странах, где традиции клановой организации и дисциплины до сих пор живы и активно проявляют себя.

Конечно, традиционные кланово-племенные уклады мало-помалу подтачивает логика глобализационных процессов. В ней действуют рациональность организации, экономия средств для обеспечения стандартных технологических, транспортных, организационных эффектов, оптимизации массовых коммуникаций, образования и многих других позитивных явлений современности. Но она действует вопреки основам родоплеменного и кланового сознания и используется политиками, опирающимися на эти структуры, преимущественно в целях сохранения собственной власти и влияния. Социальные эффекты глобализации остаются амбивалентными и на этом направлении.

¹ Малащенко А. В. Заметки по национальному и иным вопросам // Дружба народов. 2015. № 3.